

Алексеев Игорь Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ДОСТИЖЕНИИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В современных реалиях необходимо создавать платформы для взаимодействия, на основе которых государство и общество смогут совместно решать вопросы предупреждения преступлений¹. На данное обстоятельство обратил внимание Владимир Владимирович Путин, отметив, что важно «последовательно добиваться снижения уровня преступности, в повседневной работе ориентироваться на самые жесткие стандарты и требования, чтобы граждане России были уверены, что, обращаясь к сотрудникам органов внутренних дел, они встретят понимание, человеческое отношение, а их права и свободы будут надежно защищены»².

Важность поставленной Президентом России задачи трудно переоценить. Однако ее решение по-прежнему нельзя признать удовлетворительной.

Несмотря на то, что за последние 10 лет индекс оценок работы полиции неуклонно растет, сотрудникам полиции по-прежнему доверяет только 54 % населения³. По результатам проведенного ВНИИ МВД России исследования общественного мнения в подразделения полиции обратились только 46 % потерпевших от преступных посягательств⁴.

¹ Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

² Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 11.07.2019).

³ См.: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) аналитический обзор от 6 ноября 2019 г. «Полиция и граждане: мониторинг общественных оценок» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9990> (дата обращения: 27.11.2019).

⁴ Основные результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт Федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vnii-mvd.ru/node/2902> (дата обращения: 27.11.2019).

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что выработанный юридическим позитивизмом подход к правовому регулированию общественных отношений рассматривает потерпевшего исключительно как объект регулирования, а не как полноправного участника отношений, возникающих между сторонами обвинения и защиты. Уголовно-процессуальная политика государства в последние десятилетия достигла немалых успехов в этом направлении. Однако, по справедливому замечанию П.В. Ильина, обращение в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступления многие жертвы преступлений вполне обоснованно расценивают как малоперспективное действие, не только не стоящее тех затрат времени и сил, которые нужно будет понести, но иногда еще и довольно опасное в связи с агрессивными проявлениями, которые последуют со стороны виновного. В случае же участия в уголовном процессе, обширный набор прав потерпевшего остается во многом невостребованным, т. к. большая часть этих прав связывается с информированием потерпевшего о ходе процесса, но не позволяет оказывать на него значимое влияние¹.

Необходимо констатировать тот факт, что потерпевший, как представитель стороны обвинения, несмотря на все усилия государства, до сих пор не воспринимается в качестве полноценного участника стороны обвинения. Ситуацию необходимо менять кардинальным образом. Потерпевший должен стать самодостаточным участником процесса со стороны обвинения. Его интересы необходимо поставить во главу целей уголовного процесса России. Современный уголовный процесс должен отталкиваться не от преступления, а от потерпевшего. При этом, выдвигая этот тезис, мы говорим не об уклоне на процессуальные гарантии, предоставляемые этому участнику процесса. Это обусловлено тем, что, развивая указанное направление уголовно-процессуальной науки, большое количество работ, в том числе монографического уровня, было посвящено потерпевшему, усилению его роли в процессе, однако качественного изменения ситуации в целом, по нашему мнению, добиться так и не удалось.

Все это заставило нас искать другую основу для исследования уголовно-процессуального права². В качестве такой основы мы используем активно развивающийся в последние десятилетия коммуникативный подход к правовой теории, где право выступает как средство

¹ См.: Ильин П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 4.

² См.: Алексеев И.М. Перспективы дифференциации уголовно-процессуальной формы // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (18–19 апр. 2019 г.) / редкол.: А.С. Данильян, И.М. Алексеев, А.В. Рудин и др. Электрон. дан. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 5–8.

взаимодействия между людьми, и которое устанавливает границы такого взаимодействия¹.

Исходя из коммуникативного подхода, провозглашающего языковую картину мира², уголовный процесс, выполняя свое назначение, выступая способом коммуникации, разрешает конфликты, возникающие в обществе, которые в своей основе носят уголовно-правовой характер³.

На первый взгляд, кажется, что указанное суждение незначительно влияет на природу соотношения уголовного и уголовно-процессуального права. Однако это не так. Коммуникативное понимание уголовного судопроизводства позволяет говорить об уголовно-процессуальной форме как платформе для разрешения конфликтов. В данном случае угроза наказания выступает в качестве фактора, побуждающего стороны к разрешению конфликта.

При этом сам факт совершения преступления утрачивает значение основы уголовно-процессуальных отношений. Только при наличии конфликтующих сторон может быть запущен уголовно-процессуальный механизм его урегулирования.

Наполнившись коммуникативным содержанием, уголовный процесс из формы применения уголовного закона трансформируется в форму урегулирования социальных конфликтов, где главенствующая роль принадлежит потерпевшему как стороне конфликта, а следовательно не более чем его помощник, выделенный государством для того, чтобы потерпевший мог полноценно реализовать свои права.

Только сделав потерпевшего полноправным участников процесса, который будет сам определять (в случае если ущерб причинен только его интересам) хочет он привлечения лица к уголовной ответственности или нет, мы сможем повысить эффективность предупреждения преступлений.

Поэтому начать реформирование уголовного процесса предлагаем с упрощенных форм осуществления правосудия по уголовным делам. Так, Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ ввел новое основание

¹ Будилов В.М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А.В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. № 1. С. 4–25; Urszula Wybraniec-Skardowska A logical conceptualization of knowledge on the notion of language communication // Studies in logic, grammar and rhetoric. 2017. 52 (65). P. 247–269.

² Apel Karl-Otto. Szientistik, Hermeneutik, Ideologiekritik. Entwurf einer Wissenschaftslehre in erkenntnisantropologischer Sicht // Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1971. P. 7-44; Gadamer Hans-Georg. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik. Metakritische Erörterung zu «Wahrheit und Methode» // Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1971. P. 57–82; Habermas Jürgen. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1971. P. 120–159.

³ Priel D. Trouble for legal positivism // Legal Theory. 2006. Т. 12. № 3. P. 225–263.

освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера. Указанные новеллы в целом получили одобрение и поддержку большей части практикующих юристов. В научном обществе отмечают, что за подобной альтернативной формой ответственности будущее, поскольку ни одно здоровое государство и общество не заинтересовано в постоянном увеличении числа граждан, имеющих судимость и опыт пребывания в местах лишения свободы.

Напомним, что при рассмотрении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, суд должен убедиться в том, что предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, размер ущерба или иного причиненного преступлением вреда определен верно и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Такую позицию сформулировал Верховный Суд РФ в «Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»¹, фактически запретив использовать применение судебного штрафа как компромисс между обвинением и защитой.

По нашему мнению при прекращении уголовного дела за примирением сторон доказыванию подлежит только наличие оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ. При их установлении следователь обязан возбудить перед судом соответствующее ходатайство, а суд, убедившись в их существовании вынести решение о прекращении уголовного дела.

Указанные изменения, по нашему мнению, мотивируют следователей (дознавателей) применять основание, предусмотренное ст. 25 УПК РФ, что позволит экономить денежные средства, затраченные на расследование уголовных дел, при этом повысив способность уголовного судопроизводства разрешать конфликты уголовно-правового характера, возникающие в обществе.

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».